

О Молочке, овсяной Кашке и сером котишке Мурке

Мамин-Сибиряк

Как хотите, а это было удивительно! А удивительнее всего было то, что это повторялось каждый день. Да, как поставят на плиту в кухне горшочек с молоком и глиняную кастрюльку с овсяной кашкой, так и начнётся. Сначала стоят как будто и ничего, а потом и начинается разговор:

- Я - Молочко.

- А я - овсяная Кашка!

Сначала разговор идёт тихонько, шёпотом, а потом Кашка и Молочко начинают постепенно горячиться.

- Я - Молочко!

- А я - овсяная Кашка!

Кашку прикрывали сверху глиняной крышкой, и она ворчала в своей кастрюле, как старушка. А когда начинала сердиться, то всплывал наверху пузырь, лопался и говорил:

- А я всё-таки овсяная Кашка... пум!

Молочку это хвастовство казалось ужасно обидным. Скажите, пожалуйста, какая невидаль - какая-то овсяная каша! Молочко начинало горячиться, поднималось пеной и старалось вылезти из своего горшочка. Чуть кухарка недосмотрит, глядит - Молочко и полилось на горячую плиту.

- Ах, уж это мне Молочко! - жаловалась каждый раз кухарка. - Чуть-чуть недосмотришь - оно и убежит.

- Что же мне делать, если у меня такой вспыльчивый характер! - оправдывалось Молочко. - Я и само не радо, когда сержусь. А тут ещё Кашка постоянно хвастает: "Я - Кашка, я - Кашка, я - Кашка..." Сидит у себя в кастрюльке и ворчит; ну, я и рассержусь.

Дело иногда доходило до того, что и Кашка убегала из кастрюльки,

несмотря на свою крышку, - так и поползёт на плиту, а сама всё повторяет:

- А я - Кашка! Кашка! Кашка... шшш!

Правда, что это случилось не часто, но всё-таки случилось, и кухарка в отчаянии повторяла который раз:

- Уж эта мне Кашка! И что ей не сидится в кастрюльке, просто удивительно!

Кухарка вообще довольно часто волновалась. Да и было достаточно разных причин для такого волнения. Например, чего стоил один кот Мурка!

Заметьте, что это был очень красивый кот и кухарка его очень любила.

Каждое утро начиналось с того, что Мурка ходил по пятам за кухаркой и мяукал таким жалобным голосом, что, кажется, не выдержало бы каменное сердце.

- Вот-то ненасытная утроба! - удивлялась кухарка, отгоняя кота. - Сколько вчера ты одной печёнки съел?

- Так ведь то было вчера! - удивлялся в свою очередь Мурка. - А сегодня я опять хочу есть. Мяу-у!

- Ловил бы мышей и ел, лентяй.

- Да, хорошо это говорить, а попробовала бы сама поймать хоть одну мышь, - оправдывался Мурка. - Впрочем, кажется, я достаточно стараюсь. Например, на прошлой неделе кто поймал мышонка? А от кого у меня по всему носу царапина? Вот какую было крысу поймал, а она сама мне в нос вцепилась. Ведь это только легко говорить: лови мышей!

Наевшись печёнки, Мурка усаживался где-нибудь у печки, где было потеплее, закрывал глаза и сладко дремал.

- Видишь, до чего наелся! - удивлялась кухарка. - И глаза зажмурил, лежебок. И всё подавай ему мяса!

- Ведь я не монах, чтобы не есть мяса, - оправдывался Мурка, открывая всего один глаз. - Потом, я и рыбки люблю покушать. Даже очень приятно съесть рыбку. Я до сих пор не могу сказать, что лучше: печёнка или рыба. Из вежливости я ем то и другое. Если бы я был человеком, то непременно был бы рыбаком или разносчиком, который нам носит печёнку. Я кормил бы до отвала всех котов на свете и сам бы был всегда сыт.

Наевшись, Мурка любил заняться разными посторонними предметами, для собственного развлечения. Отчего, например, не посидеть часика два на окне, где висела клетка со скворцом? Очень приятно посмотреть, как прыгает глупая птица.

- Я тебя знаю, старый плут! - кричит Скворец сверху. - Нечего смотреть на меня.

- А если мне хочется познакомиться с тобой?

- Знаю я, как ты знакомишься. Кто недавно съел настоящего, живого воробышка? У, противный!

- Нисколько не противный, - и даже наоборот. Меня все любят. Иди ко мне, я сказочку расскажу.

- Ах, плут. Нечего сказать, хороший сказочник! Я видел, как ты рассказывал свои сказочки жареному цыплёнку, которого стащил в кухне. Хорош!

- Как знаешь, а я для твоего же удовольствия говорю. Что касается жареного цыплёнка, то я его действительно съел; но ведь он уже никуда всё равно не годился.

Между прочим, Мурка каждое утро садился у топившейся плиты и терпеливо слушал, как ссорятся Молочко и Кашка. Он никак не мог понять, в чём тут дело, и только моргал.

- Я - Молочко.

- Я - Кашка! Кашка-Кашка-кашшшш...

- Нет, не понимаю! Решительно ничего не понимаю, - говорил Мурка. - Из-за чего сердятся? Например, если я буду повторять: я - кот, я - кот, кот, кот. Разве кому-нибудь будет обидно? Нет, не понимаю. Впрочем, должен сознаться, что я предпочитаю молочко, особенно когда оно не сердится.

Как-то Молочко и Кашка особенно горячо ссорились; ссорились до того, что наполовину вылились на плиту, причём поднялся ужасный чад. Прибежала кухарка и только всплеснула руками.

- Ну что я теперь буду делать? - жаловалась она, отставляя с плиты Молочко и Кашку. - Нельзя отвернуться.

Отставив Молочко и Кашку, кухарка ушла на рынок за провизией. Мурка этим сейчас же воспользовался. Он подсел к Молочку, подул на него и проговорил:

- Пожалуйста, не сердитесь, Молочко.

Молочко заметно начало успокаиваться. Мурка обошёл его кругом, ещё раз подул, расправил усы и проговорил совсем ласково:

- Вот что, господа. Ссориться вообще нехорошо. Да. Выберите меня мировым судьёй, и я сейчас же разберу ваше дело.

Сидевший в щели чёрный Таракан даже поперхнулся от смеха: "Вот так мировой судья. Ха-ха! Ах, старый плут, что только и придумает! " Но Молочко и Кашка были рады, что их ссору наконец разберут. Они сами даже не умели рассказать, в чём дело и из-за чего они спорили.

- Хорошо, хорошо, я всё разберу, - говорил кот Мурка. - Я уж не покривлю душой. Ну, начнём с Молочка.

Он обошёл несколько раз горшочек с Молочком, попробовал его лапкой, подул на Молочко сверху и начал лакать.

- Батюшки! Караул! - закричал Таракан. - Он всё молоко вылакает, а подумают на меня!

Когда вернулась с рынка кухарка и хватилась молока, горшочек был пуст. Кот Мурка спал у самой печки сладким сном как ни в чём не бывало.

- Ах ты, негодный! - бранила его кухарка, хватая за ухо. - Кто выпил молоко, сказывай?

Как ни было больно, но Мурка притворился, что ничего не понимает и не умеет говорить. Когда его выбросили за дверь, он встряхнулся, облилиз помятую шерсть, расправил хвост и проговорил:

- Если бы я был кухаркой, так все коты с утра до ночи только бы и делали, что пили молоко. Впрочем, я не сержусь на свою кухарку, потому что она этого не понимает.